

www.volsu.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.3.18>

UDC 341.17

LBC 67.412.1

THE IMPACT OF THE PRACTICE OF THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION ON THE APPLICATION OF EU LAW

Andrey Yu. Klyuchnikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch),
Lipetsk, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the study of the impact of the practice of the EU Court of Justice on the national law enforcement and norm-setting, the implementation of the goals and objectives of the EU, the formation of a unified judicial practice. For this **purpose**, the author studies the genesis of the practice of the Court of Justice of the EU, illustrating it by the interrelated areas of protection-the EU citizenship and the fundamental rights and freedoms of man and citizen. The applied **method** of system analysis allowed revealing the tendency of activism of the Court of Justice of the EU in the extension of the scope of EU law and its effective interpretation. **Results:** the EU judicial body has developed the rule according to which the latter are obliged to implement the sphere of public life in accordance with EU law when referring to the competence of the EU member states. The EU citizenship as an economic category has gradually become a political institution that has allowed the principle of non-discrimination to be introduced. Three grounds for the application of EU law have been established: the obligation to implement it is fulfilled; the national act establishing the exceptions to the EU constituent treaties is entering into force; and the substantive rule is applied in certain factual circumstances. **Conclusions:** the Court of Justice of the EU takes measures to ensure the effective interpretation of EU law, extending its scope of application and its own competence. The consistent reinforcement of the concept of EU citizenship and the fundamental human rights has occurred at the expense of its practice. The norms of the national law that do not correspond to the common European practice are covered by the supranational judicial control and may be recognized as invalid. The Court of Justice of the EU goes beyond the legal interpretation of EU law and due to the emerging practice provides for the extension of the scope of EU law.

Key words: the Court of Justice of the EU, law enforcement, lawmaking, judicial practice, interpretation of law.

Citation. Klyuchnikov A. Yu. The Impact of the Practice of the Court of Justice of the European Union on the Application of EU Law. *Legal Concept*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 126-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.3.18>

УДК 341.17

ББК 67.412.1

ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА ЕС

Андрей Юрьевич Ключников

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Липецкий филиал), г. Липецк, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию проблемы влияния практики Суда ЕС на национальное правоприменение и нормотворчество, реализацию целей и задач ЕС, становление единой судебной практики. С этой **целью** автор изучает генезис практики Суда ЕС, иллюстрируя ее взаимосвязанными областями защиты, – гражданства ЕС и основных прав и свобод человека и гражданина. Используемый **метод** системного анализа позволил выявить тенденцию на активизм Суда ЕС в расширении сферы применения права ЕС, его эффективного толкования. **Результаты:** судебным органом ЕС выработано правило, согласно которому при отнесении сферы общественной жизни к компетенции государств-членов ЕС последние обязаны осуществлять ее в соответствии с правом ЕС. Гражданство ЕС как экономическая категория постепенно стало политическим институтом, позволившим ввести принцип недискриминации. Установлены три основания применения права ЕС: выполняется обязанность по его реализации; вступает в силу национальный акт, закрепляющий исключения из учредительных договоров ЕС; материальная норма применяется при определенных фактических обстоятельствах. **Выводы:** Суд ЕС принимает меры к обеспечению эффективного толкования права ЕС, расширяя сферу его применения, собственную компетенцию. Последовательное укрепление конструкции гражданства ЕС и основных прав человека произошло за счет его практики. Нормы национального права, не соответствующие общеевропейской практике, охватываются наднациональным судебным контролем и могут признаваться недействующими. Суд ЕС выходит за пределы легального толкования норм права ЕС, за счет формируемой практики обеспечивает расширение сферы применения права.

Ключевые слова: Суд ЕС, правоприменение, правотворчество, судебная практика, толкование права.

Цитирование. Ключников А. Ю. Влияние практики суда Европейского союза на применение права ЕС // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 126–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.3.18>

Введение

Объем материально-правового регулирования в ЕС, сфера действия которого определяется учредительными договорами ЕС, постоянно растет. Его содержание и смысл определяется через толкование Суда ЕС, в основном в форме ответов на преюдициальные запросы национальных судов. Практически это означает установление соответствия национального права и правоприменения праву ЕС, ориентированному на реализацию целей ЕС, укоренение единой судебной практики в национальных правовых системах в целях углубления процесса интеграции [1, с. 41].

Реализация общеевропейской идеи единого внутреннего рынка ЕС, в котором обеспечивается свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов, существенно влияет на функционирование отраслей, относящихся исключительно или в значительной степени к компетенции государств-членов ЕС (прямые налоги, защита прав интеллектуальной собственности, семейное право, организация системы здравоохранения).

Суд ЕС в преюдициальном порядке часто ссылается на формулу, указывающую на необходимость реализации национальной компетенции в соответствии с правом ЕС: «на данном этапе развития права ЕС [сфера] от-

носится к компетенции государств-членов ЕС, однако государства обязаны осуществлять ее в соответствии с правом ЕС, даже если речь идет о внутренних вопросах, которые не имеют отношения к европейскому праву» [16]. Этому способствует последовательное введение в правоприменительную практику единых терминов, которым придается расширительное толкование («работник», «социальные, налоговые льготы»).

Воздействие Суда ЕС на сферы защиты основных прав и гражданства ЕС

Проблема влияния прецедентного права Суда ЕС на применение права ЕС может быть проиллюстрирована на примере взаимосвязанных областей защиты – основных прав и свобод человека и гражданства ЕС.

Суд ЕС признает, что данные сферы охватываются применением права ЕС через выявление «общеевропейского элемента», либо через конкретные термины, например, «существо прав, предоставляемых в связи со статусом гражданина ЕС» (дела Роттманн [17], Самбрано [19]) или «общие принципы, включая принцип недискриминации по возрасту (дела Мангольд [15], Кюкюкдевичи [18])».

В сфере защиты прав человека Суд ЕС особое внимание уделяет действию Хартии

ЕС об основных правах 2000 г. (Хартия), которая должна применяться государствами при реализации права ЕС (дела Франссон [22], Си-рагуза [23]).

Следует критично отнестись к подходу, когда Суд ЕС ссылается на необходимость соблюдения основных прав в целом, не затрагивая вопроса о применимости специальной нормы права ЕС [7, с. 94–95]. Так, по делу Карпентер [13] Суд ЕС рассматривал преюдициальный запрос о том, может ли супруга гражданина ЕС – гражданка третьего государства – проживать в ЕС, если ее супруг направляет предоставляемые услуги в иные государства-члены ЕС. Суд ЕС признал, что сама возможность предоставления услуг в другом государстве-члене ЕС, условия, в которых они предоставляются, ухудшатся в случае депортации супруги. Если бы Карпентер оказывал услуги только в «своем» государстве-члене ЕС, право ЕС не применялось бы. К казусу было применено право ЕС, поскольку иной подход повлек бы нарушение права на уважение семейной жизни.

Формируемая Судом ЕС практика сомнительна, так как применение конструкции потенциального предоставления услуг со ссылкой на необходимость защиты основных прав без указания допущенного нарушения привело к применению права ЕС в ситуации внутреннего характера, в которой, согласно традиционному толкованию, должно применяться только национальное право.

С другой стороны, необходимо учитывать, что в рамках единого внутреннего рынка проблематично разделять лиц на работающих по найму в государстве гражданства и другом государстве-члене ЕС. Защита основных прав и свобод должна обеспечиваться в обоих этих случаях.

Проблемы применения права ЕС в практике Суда ЕС

В решении по делу Мангольд Суд ЕС отказался от применения национального права, касающегося возможности заключения срочного контракта с работником, достигшим определенного возраста. Суд признал это положение несовместимым с директивой 2000/78/ЕС несмотря на то, что спор в отечественном суде имел

«горизонтальный» характер и срок имплементации директивы 2000/78/ЕС к тому моменту не истек. Для оправдания применения директивы как шаблона проверки соответствия национального права праву ЕС Суд ЕС сформулировал принцип недискриминации, «основанный на различных международных инструментах, общих конституционных традициях государств-членов ЕС» [3, с. 55].

Новый импульс развития правоприменения в ЕС получило в решении Кюкюкдевичи, согласно которому национальное право создает предметную основу для материально-правового регулирования ЕС, следовательно, национальное право, гарантирующее защиту основных прав, включено в сферу общеевропейского нормоконтроля.

Таким образом, Суд ЕС выделяет две ситуации, в которых национальное право может оказаться в «сфере права ЕС» для целей применения принципа недискриминации: до и после истечения срока введения директивы. До его истечения необходимо, чтобы положения национального права служили имплементации директивы или фактическая ситуация, в которой она действует, находилась в сфере права ЕС через иные нормы национального права (решение Мангольд). По истечении этого срока, для того, чтобы национальная норма стала охватываться правом ЕС, достаточно, чтобы она касалась вопросов, предметно урегулированных директивой (решение Кюкюкдевичи).

Проблема сферы применения права ЕС в контексте гражданства ЕС требует исследования правоприменительной линии, обусловленной тесной связью статуса гражданина ЕС с осуществлением права на свободу передвижения лиц в экономических целях. Установление гражданства ЕС, связанное с признанием права на свободу передвижения и пребывания на территории государств-членов ЕС, означало начало формирования нового способа понимания права на свободу передвижения лиц в ЕС.

Это право изначально признавалось только за субъектами экономики – работниками, самозанятыми лицами, действующими за свой счет и в своем интересе, заказчиками и исполнителями, но впоследствии было предоставлено каждому гражданину ЕС. У национальных судов это породило сомнения в возможности заявителей ссылаться на ст. 20

(о гражданстве ЕС) и ст. 21 (о свободе передвижения) ДФЕС как самостоятельные основания требований и применяться к «национальным делам».

Статья 21 ДФЕС явно указывает, что право свободного передвижения и пребывания не имеет безусловного характера, предоставляется гражданам ЕС «с учетом ограничений и условий, установленных в Договорах, и в мерах, принятых для их выполнения». Но в деле Баумбаст [11] Суд ЕС признал, что норма имеет прямое действие и гарантирует свободу передвижения независимо от экономической активности.

Эта модель повторялась судом в последующих делах, а эволюция судебной практики была неизбежна как логическое следствие установления гражданства ЕС. «Если Европейский союз должен был стать чем-то большим, чем просто удобной и эффективной конструкцией для развития торговли, он должен был обеспечить благоприятное положение тем, кого стал называть своими гражданами» [24, с. 251]. Граждане – не экономический фактор производства, а лица, объединенные политической общностью, основные права которых подлежат защите.

Следующим этапом развития конструкции гражданства ЕС стала проблема сферы применения ст. 18 ДФЕС о запрете дискриминации по признаку национальности в контексте ст. 20 и 21 ДФЕС, когда применимо исключительно национальное право. Особенно остро она проявилась в ситуациях, когда гражданин государства-члена ЕС не пользовался свободами внутреннего рынка, но ссылался на права, вытекающие из статуса гражданина ЕС.

Подход к гражданству ЕС как единственному фактору, объединяющему такие ситуации с правом ЕС, изначально казался несовместимым с принципом разделения компетенции между ЕС и его государствами-членами. Суд ЕС через применение права ЕС в прецедентной практике развил перечень «национальных казусов».

Следует отметить в этом контексте решение по делу Гарсия Авелло [12] о запрете дискриминации по признаку государственной принадлежности при рассмотрении заявления об изменении фамилии детей, имеющих бельгийское и испанское гражданство, рожденных

в Бельгии, которые эту страну не покидали, то есть не воспользовались правом на свободу передвижения; решение по делу Чжу и Чен, касающееся права проживания в другом государстве-члене ЕС ребенка, находящегося на иждивении матери – гражданки третьего государства, которая мигрировала в Северную Ирландию, что давало ребенку право на приобретение ирландского гражданства; решение по делу Роттманн, в котором охватываемым правом ЕС признано решение о лишении национального гражданства, полученного в результате обмана (Суд ЕС отметил, что утрата национального гражданства влечет утрату статуса гражданина ЕС).

Кульминацией этой тенденции является решение по делу Самбрано [19], касающееся признания на основе права ЕС за заявителем – гражданином третьего государства, осуществляющим уход за своими малолетними детьми – гражданами ЕС, права пребывания и освобождения от обязанности получения разрешения на работу в государстве-члене ЕС, в котором эти дети домицилированы. Право на пребывание признано безотносительно предварительного подтверждения за несовершеннолетними детьми – гражданами ЕС – права свободного передвижения по территории ЕС, приобретшего автономный характер.

Правительства отметили, что ситуация, когда дети, проживая в государстве гражданства, никогда не пользовались свободой передвижения, не охватывает применение норм о праве на свободу пребывания, предоставляемую гражданам ЕС (право ЕС не применимо). Г. Самбрано утверждал, что использование прав гражданина ЕС не связано с перемещением за пределы государства гражданства; он как член семьи может обратиться с заявлением на продление пребывания, освобождение от обязанности получения разрешения на работу.

Суд ЕС указал, что дети Самбрано получили бельгийское гражданство в соответствии с законодательством этого государства, являлись гражданами ЕС и могли пользоваться в полной мере правами, предоставляемыми им в связи с этим статусом, поскольку статус гражданина Союза должен стать основой статуса граждан государств-членов ЕС. Статья 20 ДФЕС не позволяет применять национальное право, когда граждане ЕС лиша-

ются эффективного использования «существа прав, предоставленных им в связи со статусом гражданина ЕС». Иное влекло бы отказ в проживании лицу – гражданину третьего государства, в государстве проживания его несовершеннолетних детей – граждан этого государства-члена ЕС, над которыми он осуществляет опеку, а также отказ от предоставления такому лицу разрешения на работу. Последствием отказа в праве на пребывание стала бы необходимость выезда детей Самбрано с территории Союза в сопровождении родителей, а отказ в предоставлении разрешения на работу – что он не будет обладать необходимыми средствами для обеспечения потребностей семьи. При таких обстоятельствах эффективное использование прав, вытекающих из гражданства ЕС, исключено.

Однако Суд не разъяснил, что понимается под конструкцией «существа прав, предоставленных в связи со статусом гражданина ЕС». Если применение права ЕС зависит от существенности нарушения прав граждан ЕС, то как определить степень нарушения, при превышении которого применяется право ЕС [5, с. 122]? Применение права ЕС в подобных случаях потребует «дополнительных связей», например, обоснования «потенциального использования права на передвижение в будущем».

В решениях по делам Деречи [20] и Маккарти [21] Суд ЕС подтвердил существование новой прецедентной линии, однако не заменил традиционного теста «свободы передвижения» тестом «нарушения существа прав гражданина ЕС», ограничил применение последнего случаями, при которых гражданин ЕС вынужден покинуть не только территорию государства-члена ЕС, гражданином которого он является, но и территорию всего Союза.

Обращение к существу прав, вытекающих из гражданства, может привести к дальнейшему усилению защиты прав личности, а через гармонизацию сферы правовой защиты – к определенной независимости от правопорядка государства-гражданства.

Национальное право охватывается спектром применения права ЕС в следующих случаях: 1) государство выполняет обязанность по реализации права ЕС в национальном правопорядке (дело Вахауф [8]); 2) государство

принимает нормативный акт в рамках допустимых отклонений от обязательств, вытекающих из учредительных договоров, действуя на основе прямых договорных исключений (дело ERT [9]) и исключений, основанных на судебной практике (дело Фамилиапресс [10]).

Исследованная практика позволяет выделить третью ситуацию, когда специальная материальная норма права ЕС применяется при определенных фактических обстоятельствах. Доступность защиты, вытекающая из права ЕС, не должна зависеть ни от прямого действия договора, ни от принятия акта вторичного права ЕС, а должна основываться на материальной компетенции ЕС. Если ЕС имеет компетенцию в конкретной области права (исключительную, совместную), институт основных прав человека в ЕС должен защищать гражданина ЕС, даже если эта компетенция еще не реализуется.

Такая сфера должна охватывать все ситуации, в которых доходит до «существенных и постоянных нарушений, указывающих на системный характер проблемы защиты основных прав человека в данном государстве-члене ЕС». Национальный суд должен исследовать все внутренние средства защиты основных прав человека, соотнести с основными правами ЕС, если защита в государстве «в значительной степени недостаточна» [4, с. 182–183].

С другой стороны, это повлекло бы изменение интеграционной парадигмы ЕС в этом направлении, являлось бы введением федеративного элемента и существенным изменением принципа распределения компетенции между ЕС и государствами-членами. Последствия в конституционной структуре ЕС были бы далеко идущими.

Толкуя п. 1 ст. 51 Хартии в части реализации основных прав Союза государствами-членами, в решении по делу Сирагуза 2014 г. Суд ЕС указал, что для установления нахождения нормы национального права в сфере права ЕС следует определить «характер регулирования, что она направлена на выполнение акта Союза, существуют ли акты ЕС, регулирующие данную сферу по-иному или могут иметь для нее значение». Поскольку иных разъяснений не давалось, Суд оставил открытым вопрос о применимости правила только к ст. 51 Хартии или к сфере защиты прав чело-

века в целом. Представляется, что положения Хартии обеспечивают защиту независимо от того, воспользовались ли граждане ЕС правом на свободу передвижения [6, с. 182].

Выводы

Принимая меры, направленные на обеспечение единообразного и эффективного толкования права ЕС, Суд ЕС стремится расширить сферу его применения, следовательно, и собственную компетенцию. Решения по делам Карпентер, Мангольд и Самбрано вписываются в тенденцию, служащую укреплению конструкции гражданства ЕС и основных прав человека как общих принципов права ЕС, которые охватывают судебным контролем нормы национального права, нарушающие эти права, даже если дело на первый взгляд и выходит за пределы права ЕС.

В своей активной правоприменительной практике Суд ЕС часто реализует «единую общеевропейскую идею», основанную на целях и духе Учредительных Договоров. Будучи «живым голосом права ЕС», Суд ЕС неоднократно игнорировал буквальный смысл определенных правил, сосредотачиваясь на целях, которые он собирается достигнуть. В рассмотренных случаях его практика обеспечивает эффективное соблюдение основных прав, расширяет сферу применения права ЕС, не заменяя национального законодателя и сохраняя конституционную идентичность государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, П. Н. Европейский защитный ордер / П. Н. Бирюков // Академический юридический журнал. – 2017. – № 1 (67). – С. 38–45.
2. Бирюков, П. Н. Некоторые аспекты Европейского ордера на арест / П. Н. Бирюков // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1 (73). – С. 248–256.
3. Носова, Е. С. Влияние решений Суда ЕС на становление права Европейского союза / Н. С. Носова // Международное право и международные организации. – 2016. – № 1. – С. 50–59.
4. Ондрейчик, М. Эффективность применения права ЕС национальными судами Словацкой Республики на примере преюдициальных запросов (часть вторая) / М. Ондрейчик // Legal Concept. –

2017. – Т. 16. № 1. – С. 181–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.28>.

5. Право Европейского союза : учебник для вузов / под ред. А. Я. Капустина. – М. : Юрайт, 2017. – 387 с.

6. Савочкин, П. В. Особенности толкования Европейским Судом по правам человека Хартии ЕС об основных правах / П. В. Савочкин // Права человека: история, теория, практика : сб. науч. ст. пятой Всеросс. науч.-практ. конф. – Курск : Университетская книга, 2016. – С. 180–186.

7. Энгстрем, И. Прямое действие права Европейского союза / И. Энгстрем // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – № 2. – С. 88–103.

8. Case C-5/88 Wachauf H. v. Bundesamt für Ernährung und Forstwirtschaft [1989] ECR I–2609.

9. Case C-260/89 Elliniki Radiophonia Tileorassi Anonimi Etairia (ERT) i inni v. Dimotiki Etairia Pliroforissis (DEP) i innym [1991] ECR I–2925.

10. Case C-368/95 Vereinigte Familiapress Zeitungsverlags-und vertriebs GmbH v. Heinrich Bauer Verlag [1997] ECR I–3689.

11. Case C-413/99 Baumbast R. v. Secretary of State for the Home Department [2002] ECR I–7091.

12. Case C-413/99 C-148/02 Avello Carlos Garcia v. Belgium [2002] ECR I–11613.

13. Case C-60/00 Carpenter [2002] ECR I–6279.

14. Case C-200/02 Kunqian Catherine Zhu i Man Lavette Chen v. Secretary of State for the Home Department [2004] ECR I–9925.

15. Case C-144/04 Werner Mangold v. Rüdiger Helm [2005] ECR I–9981.

16. Case C-353/06 Stefan Grunkin i Dorothee Regina Paul [2008] ECR I–7639.

17. Case C-135/08 Janko Rottmann v. Freistaat Bayern [2010] ECR I–1449.

18. Case C-555/07 Seda Küçükdeveci v. Swedex GmbH & Co. KG [2010] ECR IRLR 346.

19. Case C-34/09 Gerardo Ruiz Zambrano v. Office National de l'Emploi (ONEm) [2011] ECR I–1177.

20. Case C-256/11 Dereci Murat, Heimpl Vishaka, Kokollari Alban, Maduike Izunna Emmanuel, Stevic Dragica v. Bundesministerium für Inneres [2011] ECR I–11315.

21. Case C-434/09 McCarthy S. v. Secretary of State for the Home Department [2011] ECR I–3375.

22. Case C-617/10 Aklagaren v. Hans Åkerberg Fransson [2013] ECR I–0000.

23. Case C-206/13 Cruciano Siragusa v. Regione Sicilia –Soprintendenza Beni Culturali e Ambientali di Palermo [2013] ECR I–126.

24. Joined Cases C-92/09 and C-93/09, Volker and Markus Schecke GbR and Harmut Eifert v. land Hessen [2010] ECR I–11063.

REFERENCES

1. Biryukov P.N. Evropeyskiy zashchitnyy order [The European Protective Order]. *Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal*, 2017, no. 1 (67), pp. 38-45.
2. Biryukov P.N. Nekotorye aspekty Evropeyskogo ordena na arest [Some Aspects of the European Arrest Warrant]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2009, no. 1 (73), pp. 248-256.
3. Nosova E.S. Vliyaniye resheniy Suda ES na stanovlenie prava Evropeyskogo Soyuzha [Influence of Decisions of the Court of the EU on the Formation of the European Union Law]. *Mezhdunarodnoye pravo i mezhdunarodnye organizatsii*, 2016, no. 1, pp. 50-59.
4. Ondreychik M. Effektivnost primeneniya prava ES natsionalnymi sudami Slovatskoy Respubliki na primere preyditsialnykh zaprosov (chast vtoraya) [Efficiency of the Application of EU Law by the National Courts of the Slovak Republic on the Example of Prejudicial Requests (Part Two)]. *Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 181-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.28>.
5. Kapustin A.Ya., ed. *Pravo Evropeyskogo Soyuzha* [The law of the European Union]. Moscow, Yurayt Publ., 2017. 387 p.
6. Savochkin P.V. Osobennosti tolkovaniya Evropeyskim Sudom po pravam cheloveka Khartii ES ob osnovnykh pravakh [Features of the European Court of Human Rights Interpretation of the EU Charter of Fundamental Rights]. *Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika: sb. nauch. st. pyatoy Vseross. nauch.-prakt. konf.* [Human Rights: History, Theory, Practice: Collected Academic Papers of the 5th All-Russian Research and Practice Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2016, pp. 180-186.
7. Engstrom I. Pryamoe deystvie prava Evropeyskogo Soyuzha [Direct Action of the Law of the European Union]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 88-103.
8. *Case C-5/88 Wachauf H. v. Bundesamt für Ernährung und Forstwirtschaft* [1989] ECR I-2609.
9. *Case C-260/89 Elliniki Radiophonia Tileorassi Anonimi Etaireia (ERT) i inni v. Dimotiki Etaireia Pliroforissis (DEP) i innyim* [1991] ECR I-2925.
10. *Case C-368/95 Vereinigte Familiapress Zeitungsverlags-und vertriebs GmbH v. Heinrich Bauer Verlag* [1997] ECR I-3689.
11. *Case C-413/99 Baumbast R. v. Secretary of State for the Home Department* [2002] ECR I-7091.
12. *Case C-413/99 C-148/02 Avello Carlos Garcia v. Belgium* [2002] ECR I-11613.
13. *Case C-60/00 Carpenter* [2002] ECR I-6279.
14. *Case C-200/02 Kunqian Catherine Zhu i Man Lavette Chen v. Secretary of State for the Home Department* [2004] ECR I-9925.
15. *Case C-144/04 Werner Mangold v. Rüdiger Helm* [2005] ECR I-9981.
16. *Case C-353/06 Stefan Grunkin i Dorothee Regina Paul* [2008] ECR I-7639.
17. *Case C-135/08 Janko Rottmann v. Freistaat Bayern* [2010] ECR I-1449.
18. *Case C-555/07 Seda Kъськdeveci v. Swedex GmbH & Co. KG* [2010] ECR IRLR 346.
19. *Case C-34/09 Gerardo Ruiz Zambrano v. Office National de l'Emploi (ONEm)* [2011] ECR I-1177.
20. *Case C-256/11 Dereci Murat, Heimi Vishaka, Kokollari Alban, Maduikie Izunna Emmanuel, Stevic Dragica v. Bundesministerium für Inneres* [2011] ECR I-11315.
21. *Case C-434/09 McCarthy S. v. Secretary of State for the Home Department* [2011] ECR I-3375.
22. *Case C-617/10 Aklagaren v. Hans Åkerberg Fransson* [2013] ECR I-0000.
23. *Case C-206/13 Cruciano Siragusa v. Regione Sicilia – Soprintendenza Beni Culturali e Ambientali di Palermo* [2013] ECR I-126.
24. *Joined Cases C-92/09 and C-93/09, Völker and Markus Schecke GbR and Harmut Eifert v. land Hessen* [2010] ECR I-11063.

Information about the Author

Andrey Yu. Klyuchnikov, Judge of Pravoberezhny District Court of Lipetsk, Plekhanova St., 72, 398050 Lipetsk, Russian Federation; Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch), Internatsionalnaya St., 3, 398001 Lipetsk, Russian Federation, andrew19871961@mail.ru.

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Ключников, судья Правобережного районного суда города Липецка, ул. Плеханова, 72, 398050 г. Липецк, Российская Федерация; кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал), ул. Интернациональная, 3, 398001 г. Липецк, Российская Федерация, andrew19871961@mail.ru.